

С.А.Тулаева

ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В XVI–XVII ВВ. КАК АВТОНОМНАЯ ОХРАННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Ключевые слова: донское казачество, охранный контракт, силовой ресурс

Введение

История казачества представляет собой значительный и яркий пласт в российской истории, всегда привлекавший к себе внимание исследователей. Обилие работ на эту тему породило и множественность толкований соответствующего явления. Дореволюционные историки в большинстве своем (за исключением Николая Костомарова¹) видели в казачестве вызов антигосударственных сил Москве, источник смут и раздоров². Советская историография трактовала казачьи восстания как классовую борьбу крепостных крестьян против угнетателей-помещиков и в то же время стигматизировала службу казачества царю³. Среди современных исследователей превалирует романтизированный взгляд на казачество. В их работах казачество предстает «уникальным социокультурным феноменом средневековой Европы»⁴, «стяжателем православной веры»⁵ или зародышем российского гражданского общества⁶. Однако все эти разноречивые подходы роднит противопоставление казачества российскому государству. В позитивной или негативной интерпретации, казачество в любом случае рассматривается как антагонистическое государственному началу, альтернативный путь развития общества и т.д.

В настоящей работе я попытаюсь показать, что подобная трактовка не отражает сути феномена казачества. Его появление, развитие и трансформация тесно связаны с формированием централизованного государства и являются закономерной составляющей этого процесса. Для обоснования этой точки зрения прежде всего обозначу теоретические подходы, в рамках которых будет рассматриваться государство.

Теоретические рамки работы

Макс Вебер определял государство как монополию на легитимное насилие в определенных территориальных границах⁷. В соответствии с его концепцией, формирование государства происходит в результате борьбы за контроль над военными ресурсами, позволяющими обеспечить доминирующее положение. Чарльз Тилли предлагает рассматривать государство как фирму по производству охранных услуг. Отмечая функциональное тождество государства и мафиозной структуры, он демонстрирует, что возникновение государства связано с ведением войны

¹ Костомаров 1990.

² Ключевский 1993; Платонов 1994.

³ Проништейн 1973.

⁴ Яковенко 1996.

⁵ Багдасаров 1996.

⁶ Маркедонов 1998, 2004.

⁷ Weber 1990.

и применением насилия. Согласно его заключению, государство создается в ходе войны с внешними и внутренними врагами как организация, обеспечивающая защиту подданных в обмен на изъятие у них ресурсов в виде налогов⁸.

⁸ Tilly 1986.

Таким образом, ключевую роль при формировании государства играет силовой ресурс. Охрана, осуществляемая за счет владения им, — основная услуга, которую предоставляет государство своим подданным. Поскольку безопасность — необходимая предпосылка любой деятельности, услуга эта исключительно значима и востребована. Условия ее предоставления определяются охранным контрактом⁹. Непременным условием его заключения является наличие у одной из сторон силового ресурса. Как убедительно показывает Вадим Волков, проанализировавший условия заключения подобного контракта между охранной фирмой «Рюриковичи и Ко» и Новгородской республикой, на ранних этапах формирования государства легитимность такого контракта обеспечивалась прежде всего опасностью внешнего нападения¹⁰.

⁹ Волков 2007.

¹⁰ Там же.

Охранный контракт может принимать разные институциональные формы и быть обращен к разным агентам и организациям. Упомянутый выше контракт между Рюриковичами и Новгородской республикой определял отношения между охранной фирмой и клиентами. Но существует и другой тип охранный контракта, определяющий отношения между двумя охранными структурами и предполагающий привлечение крупной охранной компанией дополнительных силовых ресурсов для более эффективного выполнения своих функций. Именно такой контракт, как будет показано ниже, и был заключен между московским государством и донским казачеством в XVI—XVII вв.

**Причины
возникновения
охранной фирмы
«Донское
казачество»**

В XV — начале XVI вв. завершается процесс создания московского государства. В это же время, в XV в., начинают появляться первые казачьи поселения на Дону. Это стало закономерным следствием оформления нового московского государства. В соответствии с определением Вебера, создание государства предполагает установление монополии на насилие в определенных территориальных пределах¹¹. Но в процессе производства новой структуры образуется некий «остаточный материал», который по каким-то причинам не подходит для ее формирования. Государственная монополия на насилие «выбрасывала» излишки военных ресурсов, которые не вписывались в складывавшуюся матрицу силовых институтов. Эти излишки скапливались на пограничных территориях, где контроль государства над силовыми ресурсами на тот момент не был убедительным.

¹¹ Weber 1990.

Вопреки господствовавшему в советской историографии мнению, крепостные крестьяне вовсе не являлись единственным и основным элементом казачества. Активное участие в формировании казачьей автономии принимали также «дворянские и боярские сыны». Дело в том, что создание новых государственных институтов неизбежно предпола-

гало давление на местные военные элиты. Исходя из значимости силового ресурса, новое государство устанавливало порядок службы в первую очередь для военной элиты. На то, что недовольные новым порядком службы московскому князю «боярские и дворянские худые сыны» уходили на Дон, указывал еще Василий Ключевский¹². Среди казачества было много людей с дворянскими фамилиями (Трубецкой, Извольский, Войсков и т.д.)¹³. Вместе с тем имеются убедительные свидетельства того, что казачество аккумулировало и «военные излишки» степи¹⁴. Татарские воины, изгнанные или ушедшие из своих государственных образований, которые в ту пору также переживали период интенсивных пертурбаций и распада, нередко вливались в казачью военную организацию. Безусловно, беглые крестьяне тоже были компонентом донского казачества. Однако надо учитывать, что окончательное юридическое закрепление крепостного права произошло только в 1649 г., тогда как донское казачество как автономная военная организация существовало уже в XVI в.

Итак, основными участниками нового предприятия были выходцы из военных сословий как русских княжеств, так и степи, а также крестьяне, не желавшие мириться со складывавшимся порядком. Автономное военное сообщество представляло собой неизбежный «побочный продукт» оформления легитимной монополии государства на силовые ресурсы. Не вписавшись в новые государственные институты, оно сосредоточилось на его периферии, с тем чтобы при более полном утверждении монополии государства на насилие быть инкорпорированным в его структуру.

Становлению казачьего «охранного предприятия» способствовала и внешнеполитическая ситуация. Верховья Дона только в XV в. вошли в состав Московского царства, поэтому контроль над этими территориями был еще слабый. Хотя претендовавшая на эти земли Золотая Орда к тому времени уже распалась, ее заменило Крымское ханство и стоявшая за ним мощная Османская империя. Турецко-крымская экспансия, вне сомнения, являлась фактором, благоприятствовавшим образованию автономной военной организации казаков¹⁵. Контроль над Доном был сопряжен с высокими транзакционными издержками¹⁶. Казачество же было почти бесплатной военной силой, сдерживавшей татаро-османский натиск. И московское государство стало использовать возникшие без его санкции казачьи поселения для снижения своих издержек по охране южных границ и дальнейшей колонизации степи.

Если Иван III требовал казнить самовольно убогавших на Дон, то во времена Ивана IV отношение к ним изменилось¹⁷. Активная внешняя политика на южном направлении определила востребованность казаков государством. В царствование Ивана IV московским послам предписывалось брать под свою защиту русских людей, живших на Дону. Казаки начинают получать плату (несистематическую) за оказание военных услуг русскому государству, им даруется право беспрошальной торговли. Таким образом, возникновение и последующая легитимация военной

¹² Ключевский 1993.

¹³ Мининков 1992.

¹⁴ Яковенко 1996.

¹⁵ Маркедонов 1998.

¹⁶ Норт 1997.

¹⁷ Мининков 1992.

казачьей автономии были следствием формирования нового государства и его нестабильных отношений с соседними государственными образованиями.

**Внутренняя
структура
казачьего
сообщества**

Первоначально казачье сообщество жило главным образом за счет охоты, рыболовства и разбоя. Широко известные походы «за зипунами» на соседние территории совершались казаками с целью добычи. При этом объектами разбойничьих набегов были не только иноверцы, но и православные (так, имеется информация о грабежах казаков в православных кварталах турецких городов)¹⁸. Впоследствии к этим источникам доходов добавились торговля и царское жалованье в виде хлеба, вина, денег, пороха. Выкуп турецким правительством своих пленных также пополнял казачью казну. На раннем этапе существования автономной казачьей военной организации земледелие внутри нее было запрещено и начало развиваться только с конца XVII в. То есть, главным и практически единственным ресурсом, с помощью которого казаки обеспечивали себя в период с XV по конец XVII в., являлся силовой. Даже ведение торговли и освобождение от торговых пошлин были следствием обладания силовым ресурсом.

¹⁸ Никитин 1994.

Такой военизированный образ жизни определил особенности казачьего сообщества. Война воспринималась казаками как нечто естественное, даже необходимое. Не прекращавшиеся военные действия не способствовали организации семейной жизни. Семейный казак в тот период был редкостью, семьями казаки начали обзаводиться в основном к концу XVII в. Основным стратификационным принципом на этом этапе существования казачьего сообщества выступала воинская доблесть, а не знатность или имущественный достаток. Высшим органом власти являлся войсковой круг, в котором могли принимать участие все казаки старше 17 лет. В каждом городе был свой круг во главе с ежегодно избираемым атаманом. Отдельно избирался войсковой атаман, возглавлявший войско во время военного похода. Общий войсковой круг собирался раз в год¹⁹.

¹⁹ Мининков 1992.

Подобного рода система самоуправления, основанная на власти народного собрания (каковым, по сути, являлся казачий круг) и военной доблести избираемых атаманов, традиционный порядок распределения дохода (предполагающий «общак» и долю каждого из участников), отношение к вождю как к старшему среди равных невольно ассоциируются с дофеодальными порядками военной демократии. Ряд исследователей полагает, что элементы такого военно-общинного уклада жизни казаки заимствовали у кочевников, с которыми тесно взаимодействовали²⁰. Однако, как справедливо замечает Николай Никитин, известен целый ряд сообществ, строившихся на принципах военной демократии (например, средневековые рыцари или флибустьеры Карибского моря XVI—XVII вв.), которые сформировались без воздействия со стороны первобытнообщинных институтов²¹. Более того, Никитин об-

²⁰ Яковенко 1996.

²¹ Никитин 1994.

²² Там же.

наруживает прямые аналоги казачьих порядков в современном уголовном мире. Структура уголовного мира, полагает он, напоминает структуру средневекового военного сообщества. Грань, отделявшая военного от грабителя, в феодальную эпоху была очень тонкой. Иногда различие состояло в целях военных операций: защитить, захватить или наградить. Но, как правило, эти цели совпадали²². И действительно, между казачеством, феодальным рыцарством, пиратскими сообществами Нового времени, дореволюционными воровскими артелями и советским воровским миром можно найти немало общего. По мнению Никитина, такое сходство обусловлено тем, что речь во всех случаях идет о деклассированных элементах, исключенных из формальных общественных институтов. Однако данная трактовка представляется неубедительной, поскольку, скажем, рыцари и самураи были включены в структуру феодального общества — и на вполне формальной основе. На мой взгляд, военно-демократическая структура этих сообществ объясняется тем, что их ключевым и, по сути, единственным ресурсом является силовой. Когда сообщество институционализирует свое обладание силовым ресурсом через формирование устойчивых каналов его конвертации в другие ресурсы, организационная структура трансформируется и усложняется.

Доминирование силового ресурса во многом определяет жизненный уклад и жизненные шансы сообщества. Сила как основное достоинство, презрение ко всем видам производительной деятельности, отсутствие семейных привязанностей, восприятие войны как инициации и праздничного испытания, жизнь в условиях высокого риска, обусловленность общественного статуса возможностью носить оружие и участвовать в боевых действиях — все это характеристики сообщества, для существования которого первичен силовой ресурс. Особенности последующей институционализации владения силовым ресурсом определяют дальнейший путь развития сообщества.

Обладание силовым ресурсом какое-то время позволяло казакам участвовать в создании институциональной среды, заключив охранный контракт с государством на выгодных для себя условиях.

**Охранный
контракт
донского
казачества
с московским
государством**

Исходя из трактовки государства как фирмы по производству охранных услуг, казачество может рассматриваться как подрядная бригада, которая привлекалась московским государством для проведения отдельных военных кампаний. Как известно, работа на подряде не предполагает соответствия внутреннему порядку корпорации. Примерно это мы и наблюдаем в отношениях казачества и русского государства.

Начало действия охранный контракт между казачеством и московским государством можно отнести ко времени Ивана IV. Понятно, что этот контракт включал в себя ряд пунктов, признаваемых обеими сторонами. Как казачество не могло требовать от московского государства регулярного жалованья, так и государство не ожидало от казачества

надежной поддержки в проводимой им политике. Казачество постоянно подчеркивало свой особый статус и не считало себя связанным крестным целованием или иными обязательствами. Казаки не допускали вмешательства Москвы в свои внутренние дела. Ни Судебник 1550 г., ни Соборное уложение 1649 г. не содержат никаких указаний относительно донских казаков. Касающиеся их положения имеются только в Разрядной книге XVII в.²³ Об исключенности казачьего сообщества из государственных институтов вплоть до второй трети XVII в. свидетельствовал и неписанный закон: «с Дона выдачи нет». Участие в боевых действиях московского государства рассматривалось казаками как добрая воля, а не обязанность. Отсюда — их право «отъезжать» с государевой службы. Казаки не раз самовольно покидали русское войско, как во время Ливонской войны в 1579 г. или при осаде Смоленска в 1633 г. Москва строила отношения с Доном как с отдельным государством — через Посольский приказ. При взаимодействии с казаками соблюдался дипломатический ритуал. Казаки обладали правом проводить собственную внешнюю политику. В частности, они регулярно предпринимали не согласованные с московским правительством военные действия против турок и татар, а в 1637 г. самовольно взяли Азов и в течение нескольких лет удерживали его за собой. Показательно, что не только казаки стремились оградить свою организацию от воздействия государства, но и государство стремилось оградить себя от возможного влияния казачьих вольностей. Так, в первой половине XVII в. казакам было запрещено въезжать в крупные русские города²⁴.

²³ Маркедонова 1998.

²⁴ Астапенко 1992.

Все это позволяет говорить о том, что в XVI — первой половине XVII в. донское казачество представляло собой автономную военную организацию. Оно не было институционализировано внутри формальных силовых институтов московского государства. Вместе с тем между московским государством и донским казачеством существовал неформальный охранный контракт. Хотя участие в предпринимавшихся Москвой военных походах было для казачества делом нерегулярным и необязательным, их постоянное пребывание на южных границах, создавая перманентную военную угрозу для турок и татар, обладало мощным сдерживающим эффектом. Это значительно облегчало охранную деятельность самого государства. Взамен Москва оказывала казачеству политическую и экономическую поддержку, беря его под защиту в ходе дипломатических переговоров с соседними государствами, выплачивая нерегулярное жалованье и признавая его автономию.

²⁵ Волков 2002.

Базовой составляющей охранный контракт выступает предоставление одной из сторон институционализированного силового ресурса²⁵, что определяет возможности и одновременно пределы влияния его обладателей. Во-первых, наличие силового ресурса позволяет воздействовать на деятельность других людей и организаций. Благодаря этой особенности силового ресурса казаки смогли добиться выгодных для себя правил взаимодействия с московским государством. Во-вторых, значимость силового ресурса тесно связана с состоянием институциональной

²⁶ *Gambetta 1993.*

среды. Низкий уровень безопасности на южных границах и постоянная военная угроза способствовали востребованности казачьего силового ресурса и легитимации их охранной организации в глазах Москвы. В-третьих, владение силовым ресурсом сопряжено со стремлением к его монополизации²⁶. Когда государство может окончательно утвердить свою монополию на насилие на определенной территории, другие охранные организации так или иначе утрачивают свою автономию и должны быть либо истреблены государством (как это в итоге произошло с английским пиратством), либо вписаны в его институты. Обе эти тенденции отчетливо проявились в начале XVIII в., что было вызвано изменением статуса государственных охранных предприятий ввиду формирования абсолютистских государств.

Трансформация охранного контракта

²⁷ *Скорик 1995.*

Вполне закономерно, что кровавое и беспокойное правление Ивана IV оказалось «золотым веком» для автономной казачьей организации²⁷. Для периодов военных смут всегда характерно «повышение в цене» силового ресурса. Некоторая стабилизация государства при Борисе Годунове обусловила попытки Москвы подчинить себе казачью вольницу, что вызвало противостояние с Доном. События начала XVII в. вновь вывели казаков на политическую арену и сделали их востребованными. Однако последовавшее после Смуты затишье повлекло за собой и «снижение акций» казачьей охранной фирмы.

Обладая специфическим (силовым) ресурсом, казачество не смогло обеспечить длительную эффективность своего предприятия. Для укрепившей свое внешнеполитическое положение Москвы существование автономной охранной организации на ее границах стало неприемлемым. Трансакционные издержки на поддержание монополии на силовые ресурсы внутри государства оказались не менее значимыми, чем издержки, связанные со сдерживанием внешней угрозы на южных рубежах. Особенно очевидным это стало после разинского бунта конца XVII в. После подавления восстания Москва, обладая несоизмеримо большими ресурсами, вынудила Дон принести крестоцеловальную присягу русскому государству.

²⁸ *Астапенко 1992.*

Это дало толчок трансформации охранного контракта и постепенному поглощению казачьего предприятия государственным. Прежде всего казаки утратили право на самостоятельную внешнюю политику, хотя и сохранили внутреннюю автономию. В конце XVII в. начались попытки запретить бегство на Дон и ликвидировать неформальный институт «невыдачи с Дона». Одновременно правительство стало на более постоянной основе привлекать казаков к участию в военных действиях. Это, в свою очередь, потребовало создания формальной процедуры взаимодействия казачьего войска с регулярными воинскими частями²⁸. В царствование Петра I, осуществившего реструктуризацию всего российского государства, были пересмотрены и принципы функционирования казачьей военной организации. В 1703 г. была ограничена выбор-

ность войсковых атаманов. Они стали утверждаться царем, и их пребывание в должности приобрело практически пожизненный характер. Из коллегии иностранных дел казачьи дела были переданы в ведение военной коллегии. Казачье войско получило знамя и печать. Другими словами, произошла институционализация казачьей военной организации внутри российского государства. Работавшая на подряде охранная фирма вошла в состав основного предприятия.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что трактовка казачества как уникального российского феномена не имеет под собой достаточных оснований. Его появление было закономерным следствием формирования централизованного государства. Создание государственных институтов, как и любой производственный процесс, предполагает определенный процент «брака», который не вписывается в новую систему и сосредотачивается на ее периферии либо абсорбируется неформальными институтами, существующими на «темной стороне» общественной организации. В случае с казачеством формировавшаяся монополия на силовые ресурсы «выплеснула» военные излишки, не вписавшиеся в новое государство, на его приграничные территории.

Силовой ресурс, являвшийся ключевым для вновь образовавшегося сообщества, во многом определил траекторию его развития. Высокая степень внешней опасности на южных границах Московского царства и обусловленный этим высокий уровень неопределенности институциональной среды способствовали повышению значимости казачьего силового ресурса. Это позволило казакам заключить охранный контракт с государством, признававший их независимость.

Но само по себе обладание силовым ресурсом не гарантирует сохранения выгодной позиции в долгосрочной перспективе. Важны пути его дальнейшей институционализации в существующей среде. В отличие, например, от варяжских конунгов, казаки не смогли создать эффективные каналы конвертации силового ресурса в другие ресурсы и тем самым обеспечить долговременную устойчивость своего предприятия.

Институционализация силового ресурса и развитие организационных структур зависят от того, с кем заключен охранный контракт. Покупателем охранных услуг казачества была организация, обладавшая мощным силовым аппаратом и сознательно ограничивавшая возможности развития своей подрядной бригады. Как и любой компании на рынке, московскому государству было невыгодно, чтобы подрядная бригада выросла в независимое конкурирующее предприятие. Важно также учитывать, что рынок охранных услуг предполагает монополию на определенной территории. Поэтому существование независимой военной организации на границах централизованного государства было вопросом времени. Когда внешняя угроза на южных территориях значительно уменьшилась, в том числе и благодаря деятельности казаков,

государство стало постепенно «втягивать» в себя автономное военное образование. Это привело к трансформации охранного контракта. В соответствии с изменившимися условиями контракта независимая военная сила превратилась в военно-служилое сословие Российской империи.

Библиография

- Астапенко** М.Г. 1992. *Донские казаки: 1550—1920*. — Ростов-на-Дону.
- Багдасаров** Р.В. 1996. Запорожское рыцарство XV—XVIII вв. // *Общественные науки и современность*. № 4.
- Волков** В. 2002. *Силовое предпринимательство*. — СПб.
- Волков** В. 2007. Республика как тип охранного контракта // *Неприкосновенный запас*. № 5 (<http://magazines.russ.ru/nz/2007/55/vvg14.html>).
- Дулимов** Е.И., Кислицын С.А. 2000. *Государство и донское казачество*. — М.
- Ключевский** В.О. 1993. *О русской истории*. — М.
- Костомаров** Н.И. 1990. *Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей*. — М.
- Маркедонов** С.М. 1998. Донское казачество и российская история // *Общественные науки и современность*. № 1.
- Маркедонов** С.М. 2004. Автономное общество в России: первый исторический опыт // *Общественные науки и современность*. № 2.
- Мининков** Н.А. 1992. *Донское казачество на заре своей истории*. — Ростов-на-Дону.
- Никитин** Н. 1994. Казачьи сообщества как пример самоорганизации внеклассовых и внесословных социальных слоев XVI—XVII вв. // *Сословия и государственная власть в России в XV — середине XIX в.* — М.
- Норт** Д. 1997. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. — М.
- Платонов** С.Ф. 1994. *Лекции по русской истории*. — М.
- Пронштейн** А.П. 1973. *История Дона*. — Ростов-на-Дону.
- Скорик** А.П. (ред.) 1995. *Казачий Дон: Очерки истории*. — Ростов-на-Дону.
- Яковенко** И.Г. 1996. Цивилизация и варварство в истории России // *Общественные науки и современность*. № 4.
- Gambetta** D. 1993. *The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection*. — Harvard.
- Tilly** Ch. 1986. War-making and State-making as Organized Crime // Evans P. (ed.) *Bringing the State Back*. — Cambridge.
- Weber** M. 1990. Political Communities // Weber M. *Economy and Society*. Vol. 2. — Cambridge.